

Из-за конфликта с деканом моего факультета я, успешный студент и комсомольский вожак, дал слово на общем собрании курса, что по окончании института поеду работать, когда закончится распределение, по последней оставшейся путёвке. И вот оно – направление на работу в город Горький в Средне-Волжское геологическое управление. Со мной туда же получили направление ещё шесть моих сокурсников. Им тоже эта путёвка досталась не по их желанию, а потому, что у них были невысокие показатели успеваемости, и к концу дележа направлений им было уже нечего выбирать. Только – город Горький. Я не буду перечислять их фамилии. Это были мои хорошие друзья, отличные парни, но не сложилось у них с успеваемостью в учёбе.

Итак, все вместе приехали мы 5 сентября 1960 года в город Горький, добрались до конторы Средне-Волжского геологического управления, оно ютилось на втором этаже старого здания на улице Маяковского, которое в народе называлось «Скоба» за своеобразную форму. Принял нас сразу начальник отдела кадров Михаил Михайлович Федотов, пожилой опытный кадровик, выслушал всех и безапелляционно заявил: «Все поедете в подчинённые экспедиции и партии управления на рабочие должности – сменными буровыми мастерами». (Сейчас они называются бурильщики.) Объяснил – так вы лучше вникнете в производственный процесс, после чего будем переводить вас на инженерные должности.

Мы были в недоумении, возмущении – как так? Министерство в направлении написало – на инженерные должности, а нас хотят направить на рабочие!..

Михаил Михайлович неумолим. Тогда большинство ребят сказала, что не принимают его предложение и поедут в Москву в Министерство геологии за новыми распределениями. Согласились только Володя Устинов и Володя Журавлёв, которые имели хорошую рабочую производственную практику и не боялись встать за рычаги буровой установки. Ну, и я тоже согласился, хотя в душе был против, но, памятуя, что сказал в институте, что поеду работать по направлению по последней оставшейся путёвке, устыдился ехать в Министерство с жалобой – это было бы просто очень некрасиво.

Я сказал Мих Мihu (так в управлении все его называли), что не считаю такое его решение справедливым, так как у нас всех достаточно знаний, опыта для начала работы на ИТРовских должностях, но не хочу начинать свою трудовую деятельность с конфликта. «Молодец, правильное решение, – сказал Мих Мих и вручил мне в запечатанном конверте направление, – поедешь в Гремячевскую геологоразведочную партию на соль в город Семёнов Нижегородской области».

Собрал свои пожитки (а у меня были тяжёлые коробки с пластинками и книгами), приехал в Семёнов, оставил коробки на станционном складе на длительное хранение и пошёл искать контору Гремячевской партии. Промолгие указали двери помещения в центре города. Подходя к ним, я чуть не столкнулся с высоким крепким молодым человеком лет тридцати, который спешил за молодой женщиной и что-то кричал. Я оторопел, но зашёл в помещение, спросил у находившегося там пожилого мужчины – где можно увидеть начальника партии? Он мне отвечает – да ты только что с ним столкнулся. Это Андрей Григорьевич Питерский, он разругался с нормировщицей Валеёй. Да он ещё и «под мухой». Я был обезкуражен, неприятно удивлён: вот так начало работы! Пришлось ждать. Где-то через полчаса приходит возбуждённый Андрей Григорьевич, озабоченно схватил моё направление – и расцвёл: «Батюшки, здравствуй, дорогой Алексей, рад тебя видеть!»

Оказывается, три года назад тоже окончил МГРИ – и даже мой факультет – ФТР, – куда поступил после службы на флоте. Он немедленно повёз меня на базу партии, которая располагалась недалеко в пригороде Семёнова. Пока ехали, сказал, что отправляет меня в буровую бригаду мастера Стародубцева, которая завершает бурение 500-метровой скважины на соль:

– Заменишь его, потому что у него нет прав старшего мастера.

Я говорю: «Андрей Григорьевич, меня же направили на рабочее место – сменным буровым мастером». «Да нет, – отвечает он, – смотри в направление – старшим буровым мастером».

Вот так чудеса! Мих Мих, вероятно, испытывал меня на «прочность», суля рабочее место, а увидев, что я с достоинством ко всему этому отнёсся, направил меня на ИТРовскую должность.

Конечно, начальник партии был неправ, послав меня одного на попутной машине сменять опытного мастера. Но испытание это я выдержал. Извинился перед Стародубцевым – не моё это решение, расписался в приёмно-передаточном акте о приёме от него подотчётных материальных ценностей. Перед этим он спросил – будешь предметно считать, что я тебе передаю? Я сказал – нет, доверяю вам. И получил под отчёт... большое количество труб, которых не было в наличии, они находились в ранее пробурённых скважинах и стали надолго моей головной болью. Это суровая наука мне: «Доверяй, да проверяй!»

После окончания всех формальностей стал я знакомиться с моей буровой бригадой. На великое счастье, это были три молоденьких сменных буровых мастера, моложе меня (а мне – двадцать один год!) – Стасик Рыбин и Володя Петров, окончившие полгода назад Миасский геологоразведочный техникум, и Алик (Абдулхак) Бедретдинов, тоже недавний выпускник буровых курсов. Было ещё трое буровых рабочих постарше.

Бригада приняла меня хорошо. Владика Петрова через месяц призывали на флот, со Стасом и Аликом я подружился на всю жизнь. Много потом вместе работали на разных должностях.

Итак, передо мной буровой агрегат ЗИФ-650А, четырёхногая деревянная вышка и скважина глубиной около четырёхсот метров, главной задачей которой было – поднять весь керн каменной соли, пласт которой мощностью около 10 м предназначалось встретить на глубине около 450 м.

Буровая моя располагалась на берегу таёжной речки Керженец, близко к её верховью. С левой стороны на пригорке стояла маленькая деревушка Александровка – в шесть дворов с одинокими жильцами, в основном, старухами. С правой стороны – низкий берег с подступившей к буровой дремучей тайгой. В неглубоком там Керженце ловили мои буровики «мордами» налимов на запрудах. Однажды из тайги вышла большая серая собака, долго смотрела в мою сторону.

– Да это волк, – сказал Алик, – не первый раз выходит.

Вот в таком живописном месте предстояло мне обретать новый производственный опыт.

Цель работы понятна, неясно, как её успешно достичь. Как выяснили из разговора с ребятами, ни одной бригаде в восьми уже пробуренных скважинах поднять керн соли не удалось. Что ж, молодой инженер – думай!

Вспомнил я про институтские лекции, решил сделать соляной раствор. Съездил в Семёнов, за свои деньги купил машину (ГАЗ-51) соли. Это небольшие деньги, соль тогда стоила 3 копейки килограмм. Приготовили мы шурф соляного раствора, и при подходе к проектной глубине сидел я две смены, уставившись на шпиндель вращателя, чтобы не прозевать, когда врежемся в пласт соли (иначе её размоет очень быстро).

И вот оно – шпиндель резко пошёл вниз. Кричу: «Стас, стой!»

Собрали мы удлиннённую колонковую – 11 метров с расчётом на 10-метровый пласт, подготовили заклинку – раздробленные фарфоровые изоляторы, и – вперёд (!), перейдя на бурение соляным раствором.

Вот, наконец, скорость проходки резко затормозилась – соль пройдена, врезались в подстилающие ангидриты, далее – запуск заклинки керна и – подъём. Ждём с огромным волнением. Наконец, колонковая поднята над устьем и из неё торчит керн соли! Ура-а-а!!! – общий крик.

Да, мы подняли полный керн всего пласта, лизали его, поздравляли друг друга. А ведь это был первый 100%-ный керн будущего крупного Белбашского месторождения каменной соли, официальным первооткрывателем которого был признан впоследствии я.

Как ни странно, старший геолог партии Квальвассер был недоволен тем, что мы подняли соль, потому что в остальных скважинах её поднять не смогли, и геолог сделал вывод о бесперспективности участка на соль. Работы партии были завершены тогда с отрицательными результатами, и лишь спустя пять лет стараниями прекрасного геолога Евгении Львовны Катун, доказавшей, что перспективы на соль таки есть, в том числе с упором на мою результативную скважину, работы, теперь уже успешные, продолжались. Но об этом – позднее.

А сейчас после окончания бурения приступила моя бригада к ликвидации скважины.

Сначала надо извлечь трубы. Сорокатонный гидравлический домкрат и лебёдка станка сделали своё дело. Трубы извлечены (хотя – отмечу – с грубым нарушением техники безопасности – нельзя одновременно тащить трубы домкратом и лебёдкой). Ну, рискнули, предварительно укрепив всю вышку. А что было делать?

Приезжавший молодой главный инженер Горьковской геологоразведочной экспедиции Виктор Андреевич Пустошилов дал команду – извлечь все трубы, или их мне повесят под отчёт. А меня и так Стародубцев уже «нагрел» с этими трубами в скважинах. Пришлось рискнуть. Что ж, подобный риск неоднократно имел место быть далее в моей богатой буровой практике.

После извлечения труб демонтировали мы всё оборудование. Осталось загрузить его при приезде грузовиков и демонтировать вышку, предварительно раскрепив и сбросив кронблок.

Ждали автопоезд из партии весь день, начинало смеркаться, ребята мне говорят: всё, сегодня по-всякому грузить не будем, даже если машины придут, ночью это делать нельзя – опасно. И ушли домой, где мы жили на квартире у красивой статной одинокой женщины лет сорока пяти – тёти Кати.

Я задержался на буровой где-то на полчаса, и вдруг из леса выныривает автопоезд. Механик партии, молодой техник Анатолий Кисловский говорит: «Где ребята? Будем грузиться!»

Что делать? Да плюс ко всему пошёл густой пушистый снег. Говорю Кисловскому: «Темно, снег, опасно заниматься погрузкой»,

– Что значит опасно, мы зря приехали? Давай, собирай народ, мы здесь ночевать не собираемся. А если уедем пустые – тебе отвечать.

Я растерялся, не зная, что возразить, побежал за ребятами. Захожу в дом. Ребята собрались ужинать, только сели. На столе картошка, грибы, огурчики – в общем, сельская закусочка. И две бутылки самогонки.

Говорю: «Ребята, пришёл автопоезд, Кисловский ругается, пойдём де-монтировать и грузить оборудование».

Стас отвечает: «Он что, с ума сошёл – ночью, в такую погоду, вручную?»

Я говорю: «Ребята, но ведь машины стоят, нельзя так, пойдёмте работать!»

«Нет, не пойдём!» – резко и весомо сказал буровой рабочий, сорока-летний (старший из нас) Костя Панфёров. «Подумай сам – это же запрещено правилами техники безопасности – работать в такую погоду ночью с громадными тяжестями вручную», – добавил он.

В негодовании схватил я со стола две бутылки самогонки, стукнул их одна о другую, швырнул осколки на пол и убежал.

Кисловский спрашивает: «Где бригада?»

Скоро будут, – отвечаю я и в отчаянии лезу на вышку раскреплять кронблок.

Перебрался я по поперечному брусу к кронблоку, ногами зацепился за брус, и, вися головой вниз, стал с трудом отворачивать гайки.

Мокрый снег залеплял мне очки, руки скользили, но, изнемогая, открутил последнюю гайку, кронблок рухнул вниз. А я остался висеть, ногами зацепившись за брус. Попытался дотянуться руками до бруса и понял, что сил нет это сделать. Стало страшно. Понял, сдуру совершил недопустимую глупость – я не могу выбраться. И вдруг сильные руки схватили меня за талогрейку и выдернули наверх. Это был Стасик Рыбин. Он хлестал меня по щекам и плакал: «Дурачок ты, дурачок, что ж ты делаешь?! Что ж ты делаешь?!»

Кое-как спустился на землю. Вся бригада молча при свете фар автомашин ломаями и патрубками по следам задвигала тяжёлое оборудование в кузов машины. Через несколько часов автопоезд ушёл, хмурые ребята пошли домой, не глядя в мою сторону.

Потрясённый происшедшим, поняв глупость и непорядочность своих поступков, поплёлся за ними. Не заходя в дом, вызвал тётю Катю на улицу: «Тётя Катя, достаньте пару бутылок самогонки.»

– Да где я тебе ночью-то их достану? – отвечает.

– Тётя Катя, ну, пожалуйста!

Она ушла к соседям, минут через десять приносит спасительные бутылки. Робяя, зашёл я в избу, бригада собирала ужин, никто не глядел в мою сторону.

– Ребята, простите меня, пожалуйста, за дурость мою, ну, худо я поступил, стыдно мне, – и поставил самогонку на стол.

Буровики мгновенно повернулись ко мне, видимо, давно ожидая, что я им скажу.

– Так, ты – молоток, совесть у тебя есть, ладно, давай, садись ужинать. Имей в виду, что бригада – это коллектив, который ты должен уважать, иначе ничего у тебя в жизни не получится, – сказал веско Костя.

Стасик обнял меня за плечи: «Давай садись, не тушуйся. Да, натворил ты дел».

Вот такая наука была мне в первые недели работы на производстве.

Стас Рыбин, спаситель, стал моим другом на многие десятилетия вплоть до, увы, кончины.

На этом закончилась моя работа в Гремячевской партии. Из ещё каких-то воспоминаний в ней – это материнское участие нормировщицы партии тридцатидвухлетней Валентины Яковлевны, которая опекала меня, учила составлять буровые наряды, наставляла – не бойся неприятностей, не страдай, будь борцом. Всю жизнь она была рядом со мной в геологии – замечательный человек!

Вот так прошли первые два с половиной месяца моей производственной работы, которые запомнил очень хорошо, и которые многому меня научили за этот короткий срок.

Вскоре я был переведён буровым мастером в Дзержинскую инженерно-геологическую партию, которую возглавлял пожилой неторопливый флегматичный Яков Варфоломеевич Минченков.

В Дзержинскую ИГП меня после завершения работ в Гремячевской партии и моих мытарств по списанию с подотчёта втюренных мне Стародубцевым труб, находящихся в скважинах (на это ушла целая неделя) направил исполняющий обязанности начальника Горьковской геологоразведочной экспедиции Валентин Дмитриевич Альпидовский.

Тогда я впервые побывал в городе Горьком на улице Республиканской, где эта экспедиция доживала последние недели. Стало известно, что руководство Управления решило перебазировать её в Дзержинск на территорию, занимаемую этой самой Дзержинской инженерно-геологической партией. Яков Варфоломеевич Минченков, начальник партии, пожилой полноватый мужчина, сухо поздоровался со мной и сказал: «Иди на базу, смотри там новый буровой агрегат, который только что получили, изучай, готовь к работе. Бригаду тебе подберём, один сменный уже есть – будет тебе помогать».

– Маша, – крикнул он секретарю, – позови Вагина!

Подошёл молодой человек моего возраста, невысокий, плотно сбитый, представился: «Меня зовут Николай, а тебя?» – и протянул руку.

Он сразу понравился мне – смотрит прямо в глаза, доброжелательно, с лёгкой улыбкой.

– Алексей, – сказал я и ответил на рукопожатие.

Так я встретился с человеком, который более сорока лет был моим другом, искренним, настоящим. А развели нас – лихие девяностые годы. Но до этого ещё очень далеко.

Пошли мы с Колей к новому агрегату – самоходная буровая установка СБУ-300 зив, который ранее мы и в глаза не видывали. Коля сказал мне, что после армии окончил школу бурильщиков в Ельце и тоже пока серьёзного опыта работы с такой техникой не имеет. Как, понятно, и я.

Молодой механик партии, как узнали мы потом – тоже наш ровесник, выпускник Новочеркасского техникума Женя Андреев передал нам ключи от автомашины (МАЗ), инструкции и сказал: «Ребята, изучайте, осваивайте».

Просмотрев инструкцию, решили осуществить гидравлический подъём мачты, но стеснялись – вдруг не получится, и над нами будут потешаться. Поэтому решили с Колей – когда закончится рабочий день и все с базы уйдут, тогда попробуем, а пока крутились вокруг агрегата, рассматривали узлы, трансмиссии, гидравлику. Завели и опробовали верхний дизель. Наконец, все разошлись, и принялись мы с Колей «колдовать». Далеко не сразу, но получилось – мачта пошла вверх, установилась в рабочее положение. Теперь надо её положить – и опять ничего у нас не выходит. А на улице темнеет, идёт снежок, и мороз градусов десять. Намучились, но, наконец, разобрались, мачта легла на опоры. Сейчас, конечно, смешно вспоминать, а тогда просто ликовали – получилось!

Было уже где-то восемь часов вечера. Коля спрашивает – где ты живёшь? Я ответил – пока нигде, не успел устроиться. Наверное, пойду в гостиницу.

– Ну, уж нет, – сказал Коля, – пойдём, я тебя устрою на жильё к моим далёким родственникам – бабушке Маше и деду Саше. Они живут вдвоём, надеюсь, тебя возьмут. Бери свой чемодан, пошли.

Дверь нам открыла пожилая, далеко за семьдесят, но живая, подвижная, сухощавая старушка.

Коля представил меня и говорит:

– Мария Ивановна, возьмите моего друга на постой, он хороший парень, инженер, сегодня приехал в Дзержинск работать в геологии.

Мария Ивановна всплеснула руками:

– Коля, да ты что, мы же квартирантов никогда не брали!

Коля бодро отвечает:

– Ну и куда он теперь ночью пойдёт? К себе взять не могу, вы же знаете, какая теснота у меня! Возьмите хоть на ночь, а там разберёмся.

Так я был принят на жильё у очаровательных чудесных стариков тёти Маши и дяди Саши, очень с ними сдружился, проквартировав у них несколько месяцев. Они пестовали меня, как сына, я отвечал им искренней привязанностью.

Приступил к работе в партии, но свободное время у меня тоже было – выходные дни. Успел записаться в секцию самбо во Дворце химиков Дзержинска. Тренер – чемпион мира Логинов, заслуженный мастер спорта. За два месяца тренировок у меня стало неплохо получаться, Логинов планировал направить меня на зональные соревнования, но работа не дала этого удовольствия.

Итак, через несколько дней бригада моя была укомплектована – всё молодёжь. Бурильщики Коля Вагин, Гена Опарин (тоже выпускник Елецкого училища после службы в армии) и юный Витя Кошелев. Водитель и дизелист Толя Кабанов, и ещё двое пожилых рабочих.

Помню, как разбитной Толя Кабанов в жестокий мороз пытался завести МАЗ для перегона на первую точку. Ничего не получалось, тогда он говорит: «Сейчас прикурим!» Достал пузырёк с эфиром, плеснул в воздухозаборник. МАЗ взревел, заходил ходуном. Двигатель пошёл «вразнос», едва нам удалось его усмирить. Конечно, я очень переживал – вдруг угробим двигатель. Но всё обошлось.

Задача моей бригады была бурить скважины вдоль железной дороги, тянувшейся километрами на тридцать через промзоны, жилые кварталы и пригороды. Дело в том, что недавно произошло два карстовых провала именно рядом с железной дорогой, и была поставлена задача максимально выявить, изучить карстоопасные участки. Бурили мы наблюдательные скважины глубиной 50-70 метров до подстилающих гипсангидритовых толщ. Промывочная жидкость поэтому – глинистый раствор.

Конструкция скважин – простейшая – труба-кондуктор в интервале 0 – 10 м, диаметром 146 мм, далее бурение до проектной глубины и посадка фильтра на наблюдательной колонне диаметром 127 мм. Там я впервые столкнулся с проблемой бурения скважин в неустойчивых песчаных грунтах. Глинистый раствор готовился в глиномешалке. Никаких специальных добавок не имели, чтобы улучшить качество раствора. Да в партии о них и не знали вообще. Поэтому случались аварии. Это много лет спустя стал я автором изобретения применения полимерных промывочных жидкостей для таких условий. Ну, а пока – маялся.

Хотя скважины и неглубокие – 50-70 м, но с каждой мы намучались. Были прихваты бурового инструмента в связи с оплыванием и обвалом неустойчивых стенок скважин. Приходилось развинчивать трубы вручную с отбойным ключом, на ручку которого надета длинная труба, в неё вставлен лом – удлинитель рычага. Помню, сменный мастер – крепкий спортивный молодой человек Гена Опарин (мастер спорта по боксу, призёр первенства Советской Армии по боксу в тяжёлом весе) упёрся изо всех сил грудью в лом, рядом рабочий Толя Кабанов упирается задом в этот рычаг, а труба всё равно не откручивается. Тогда я решил подтянуть снаряд лебёдкой. Но на этих буровых агрегатах марок ЗИС и ЗИВ и вращатель, и лебёдка включались одним рычагом, но в противоположные стороны. И я в спешке ошибся! Вместо лебёдки включил вращатель!! Собранный нами рычаг мощно крутнулся в обратную сторону. Гена и Толя были выброшены как катапульты на 5-6 метров. Это был ужас, у меня, казалось, волосы дыбом встали. Гена поднялся, матерясь, но целый. Его не ударило, а просто выбросило. Толя сидел и стонал. Ему отшибло ягодицы, потому что он делал вид, что упирается в рычаг, а на

самом деле халтурил. Вот его и ушибло снарядам. Хорошо, что обошлось. Кроме огромных синяков на ягодицах, больше травм не было.

Гена потом издевался над ним – это тебе за филонство. Ну, а мне очередная наука – будь собран, внимателен за рычагами, буровое дело очень травмоопасное! К сожалению, в последующие годы немало пришлось мне расследовать несчастных случаев на буровых. Это было тяжело, душа болела. Увы, такова эта работа. Но вернёмся на нашу буровую.

Работали мы зимой, мороз доходил по ночам до – 35 градусов Цельсия. Как известно, в такой мороз работать на открытых буровых установках запрещено. Бригада была в простое, шланги перемерзали, таскали их отогревать в колодец заводской теплоцентрали.

Жить продолжал на квартире у милых стариков – медлительного седобородого дяди Саши и заботливой хлопотливой тётки Маши. Полюбил их, помню хорошо – милые русские дедушка и бабушка. По утрам каждый день до буровой добирался от квартиры я на трамвае, которые ходили с пяти часов утра. Однажды приезжаю в жуткий мороз, буровая стоит, Толя Кабанов бегаёт вокруг вагончика.

– Толя, ты что? – спрашиваю.

– Лёша, – отвечает, – не заходи в вагончик, пожалуйста.

– Да в чём дело?

– Ну, не заходи!

Удивлённый и встревоженный, поднялся по лесенке, открыл дверь, стою, ничего не вижу – очки запотели, потому что в вагончике натоплено, жара. Слышу:

– Лёша, выйди, пожалуйста! – это голос Гены, которого я пока не вижу, а сзади тащит меня за телогрейку Толя.

Ошеломлённый, выскочил я из вагончика, через минуту выскакивает оттуда и полуодетый Гена:

– Извини, Лёша, там Аня.

– Ну и что, да в чём дело?!

– Ну-у-у, она одевается.

Только тогда до меня дошло, чем занимался мой сменный с девушкой – техником геологом во время простоя. Сконфуженный, не знал, что и говорить, только вымолвил: «Гена, сегодня будет весь день за минус тридцать, поэтому не работайте, простой». И уехал. Что ж, и такое бывало. Осуждал ли я их? Да нет. Молодые красивые ребята, это их личное дело. Но мне было стеснительно. С Анной я назавтра увиделся, но не знал, как на неё взглянуть. А она – «хоть бы хны». Смеётся, шутит.

Итак, завершили мы непростое задание, скважина обсажена, оборудована под наблюдение. Что дальше? А дальше вот что. За то время, пока я занимался со своей бригадой бурением вдоль железной дороги, Горьковская геологоразведочная экспедиция переехала из города Горького в Дзержинск. Начальник экспедиции – молодой (1934-го года рождения) Николай Александрович Бочаров. Главный инженер (1935-го года рождения) – Виктор Андреевич Пустошилов. Вызывают они меня к себе. Бочаров говорит: «Посмотрели мы на тебя, как мастер ты справился с делом, получай новое назначение – поедешь в Казань, там идёт инженерно-геологическая съёмка города и его окрестностей. Геологическую часть ведёт геофак Казанского университета, ты поедешь бурить скважины по их заданию – начальником бурового отряда».

Итак, получил повышение. Шёл конец января 1961 года, мы начали комплектацию оборудования под те задачи, которые планировались геологами. Полностью укомплектована моя бригада: бурильщики Гена Опарин, юный Витя Кошелев и уже опытный буровик (пять лет стажа после окончания техникума) – Юра Шаров. Ну, и помбуры Толя Кабанов, Лёша Дерябин (самый старший из нас – сорок лет) и Коля Швецов с тюремной биографией. К нам на время перевозки прикрепили ГАЗ-51, который вёз весь инструмент, водитель Гена Тезиков, мой общительный весёлый ровесник.

Выезжали в самом начале февраля. На трассе Горький-Казань сильно пуржило, наметало на шоссе сугробы. Трактора расчищали дорогу круглосуточно, не раз освобождая колонны машин из сугробов. Так что до переправы через Волгу у Свяжска добирались более двух суток (это всего 350 км пути). Хороший, добротный передвижной вагончик спасал от холода – печурка калилась докрасна.

Переpravлялись, отстояв сутки в очереди, на железнодорожных платформах. И вот – Казань. Сразу по приезде отправился я в здание геофака в центре Казани на улице Ленина. Видок после дороги у меня ещё тот – в телогрейке и сапогах с закопчённым лицом предстал перед профессорами Нелидовым, Каштановым и доцентом Малышевой, чтоб получить первые задания.

У меня было такое впечатление, что они приняли меня за недалёкого работягу и думали, что я не понимаю, о чём они толкуют, о каких таких геологических задачах. Пришлось их разочаровать. Сказал, что выпускник МГРИ, знаю, что такое геологическая съёмка, и прошу выдать мне поскорее первые точки для бурения. На что они ответили: придётся несколько дней подождать. «Несколько дней» тянулись почти полмесяца, пока я не получил первую задачу – пробурить гидрогеологическую скважину около деревни Высокая Гора недалеко от окраины Казани – Дербышек.

За это время я успел устроить мою бригаду на жильё – снял в центре Казани недалеко от геофака огромную комнату – хватило площади на все раскладушки, хотя первую неделю обитались в раздевалке геофака на полу в спальных мешках. Договорился с руководством факультета о складировании резервного оборудования и инструмента во дворе факультета. Сам устроился жить на полатях под потолком квартиры завхоза геофака. Чем-то я ему понравился, и он сам предложил этот вариант. Немного неудобно – залезать туда по лестнице, помещеньице без окон в мой рост высотой. Зато – бесплатно! После всех оргхлопот приехали на место бурения. Вот тут-то я впервые хлебнул по-настоящему зимних буровецких забот.

Поставить буровую установку на точку в ста метрах от дороги на берегу небольшого озерка – надо найти и нанять трактор. Потом смонтировать трубопровод для забора воды из замёрзшего озерца для организации промывки, дотащить максимально близко к скважине вагон-дом, добыть дизтоплива и дров. И, наконец, выкопать шурф под глинистый раствор – это новая непростая для меня задача: ребята прикатили откуда-то пяток старых автомобильных шин, набросали сверху сучьев, облили всё солярой – чёрный дым столбом! Когда прогорело, шурф долбили не ломиками (как это было в Дзержинске), а копали лопатами. Чудесно! Приготовили глинистый раствор, забурились. Первая скважина нашей программы начата!

Дорогие читатели, я бы мог сейчас подробно описать весь процесс её бурения, но, поскольку в моей биографии тысячи таких скважин, то не хватит бумаги записать все особенности, сложности и трудности их сооружения. Единственное, труд буровиков – это, без преувеличения, труд героический. Смотрите сами – зима, пурга, мороз до минус тридцати и более, перемерзающие шанги, неизбежные геологические осложнения при бурении, аварии – и вся работа идёт на открытом воздухе, без защиты от непогоды, в «стоящих колом» брезентовых робах и рукавицах, покрытых коркой замерзающего глинистого раствора, таская вручную неподъёмные трубы и работая с обжигающим металлом тяжёлого бурового инструмента, днём и ночью! Это ли не черты полной самоотдачи, мужества, стойкости, безграничного терпения – признаков трудового героизма.

Скважина почти дошла до проектной глубины, но вдруг грунт вокруг устья стал оползать, проваливаться постепенно, и через пять минут буровая установка сползла задними колёсами в образовавшуюся воронку.



Карст! Это стоило больших нервов. С большой тревогой ждал, что дальше. Рядом в великой растерянности мои ошеломлённые ребята. Какие мысли пролетели в моей голове: угробили буровую установку – это же катастрофа, за которую не представлял, как буду отчитываться.

Но, к счастью, процесс остановился. Бегом – в соседний совхоз к директору: Караул! Выручайте!! Седой пожилой татарин молча выслушал, вызвал главного механика. Спросил: одного трактора хватит? Я ответил: нет! Он тут же отправил к буровой два С-80. Двойной тягой с трудом выволокли из воронки мою родную СБУшку. Уф-ф-ф!!! Всеобщее ликование.

Сколько будет в моей последующей производственной жизни подобных и более тяжёлых ситуаций! Ну, а тогда – трактористам на водку (так бывало часто в подобных случаях, редко брали деньги, в расчётах привычно была бутылка). Загрузив оборудование, перебрались на новую точку. К тому времени, кроме ГАЗ-51, моему отряду дали водовозку, геологи КГУ выдали нам новую точку для бурения вдалеке от дорог и водоёмов.

Так как бульдозера или трактора у нас не было, то я нанимал их периодически, перехватывая на чистке дорог, за ту же бутылку расчищали они проезд к скважине. Но чаще приходилось пробиваться через сугробы, расчищая дорогу буксовавшей ГАЗ-51 с помощью двух лопат – моей и водителя. Это утомительный труд. Однажды присланный новый водитель сказал:

– Всё, я выдохся, сил больше нет!

– Передохни, – ответил я, по правде сказать, и сам был не прочь отдышаться.

Сели в кабину автомашины, смотрю – водитель достал какой-то пузырьрёк, вылил его в алюминиевую кружку, достал спиртовку и стал кипятить эту жидкость. Потом достал шприц, набрал полный шприц бурой жидкости и вколол себе через брюки в ногу. Я оторопел – что это?! Пока соображал, что ему сказать, он выскочил из кабины и начал стремительно расчищать снег из-под машины. Вскоре мы приехали на буровую. Спрашиваю у ребят – что он себе вколол? Отвечают: «Да он наркоман». Так впервые столкнулся с этим жутким явлением.

Водителя этого отправил обратно с соответствующим пояснением в отдел кадров экспедиции.

Это была моя первая встреча на производстве с наркоманом, но далеко не последняя. Зимой успешно закончили несколько скважин, подошла майская распутица, а нам надо перебираться на новый участок около Столбищ. Конец апреля, снег сошёл, грунтовые дороги развезло, на поле с дороги нельзя съехать – машины глубоко садились в оттаявшую почву.

После неудачных попыток (с помощью нанятого трактора) перетащить буровую установку на новую точку, принял решение на время майских праздников составить акт на простой в связи с погодными условиями. Оставил свою СБУ у одного жителя деревни на сохранение, наняв его сторожем. А пока начал готовиться... к своей свадьбе!

Да, у меня появилась невеста, милая, красивая, миниатюрная Сашенька. Познакомился с ней так. Я уже писал, что устроил своих ребят в центре Казани, недалеко от геофака на квартиру. А в этой квартире в ещё одной, небольшой комнатке квартировалась девушка-медсестра Нина. Чтобы пройти к ней, надо было миновать всю комнату, где жили мои ребята. На тумбочке на этом пути стояла большая фотография в рамке с надписью «Казанский буровой отряд Коломийца А.М.». На этой фотографии среди ватаги крепких парней сидел я, невысокий очкарик – их начальник. К тому времени они меня полностью приняли, как руководителя и друга. Рядом на той же тумбочке небольшая фотография, тоже в рамке, милой красивой девушки, которую я сразу заметил, она мне очень приглянулась.

И вот однажды прихожу я к ребятам. Они лежат на раскладушках, отдыхают. И тут Витя Кошелев говорит: к Нине пришла её подруга, которая на фотографии – красивая девушка. Посмотрела на наше фото и спрашивает: «Кто это посередине в очках сидит?» Мы говорим – наш начальник, хороший мужик! Она опять спрашивает: «Женатый, наверно, ваш мужик». Я ей сказал: «Ну да, он у нас ещё нецелованный». В общем, она сейчас у Нины.

Сердце моё почему-то забилося. Ждал минут пятнадцать, было неудобно сидеть без дела. Вышел на улицу, думаю – подожду её здесь. На улице мороз. Начало темнеть, и, наконец, совсем стемнело. Я дико замёрз, зуб на зуб не попадал, а её всё нет. Прошло часа два, и вот она выходит! Сердце моё ёкнуло и упало, я заплетающимся голосом выговорил:

– Вот, шёл из библиотеки (надо же было такую чушь придумать!) и вас встретил. Здравствуйте, меня зовут Алексей!

Она улыбнулась и сказала:

– Я вас знаю – по фотографии, и ваши буровики о вас рассказали.

Было это в конце февраля, а в мае мы расписались. Свадьба состоялась шестого мая, во время простоя в период Первомайских праздников в маленькой однокомнатной квартирке моей невесты, где она жила со своей мамой. Папа её, красноармеец, пропал без вести в 1943 году, недалеко от Великих Лук на Псковщине. (Спустя 65 лет нашли мы его фамилию на обелиске, среди фамилий 199 рядовых и сержантов, умерших там в госпитале. Архивные документы подтвердили, что это был Сашин папа.) На свадьбе гостями были родственники Саши и моя боевая бригада.

Через три недели получил первый выговор за то, что свадьба состоялась в рабочий день, вместо бурения мы праздновали. Оказалось, недавно присланный сменный мастер Юра Шаров, нетрезвый, на свадьбе оскорбил кого-то из друзей-буровиков, и получил от ребят «по полной программе», и от обиды написал на меня донос. Правда, выговор этот где-то через месяц-полтора начальник экспедиции Бочаров Николай Александрович отменил, когда я показал ему фотографии, как буровая установка утонула в грязи, как мы её выдирали тракторами и где она стояла на охране. За время простоя СБУшку помыли, полностью провели профилактическое обслуживание, подготовили к бурению на новой точке, на которую трактора дотащили нас аж 10 мая.

Донос Шарова я припомнил, когда на меня позднее стали поступать анонимки, но об этом не сейчас.

В июне 1961 года мой отряд расширился. Сначала прислали бригаду ручного бурения для сооружения неглубоких скважин. Это трёхногая деревянная вышка, механическая лебёдка и электростанция. Бригада «ручников» бурила скважины в местах, куда СБУ не могла подъехать. Её оборудование на санях с полозьями перетаскивали нанятые случайные трактористы. В бригаде работало четыре человека, бригадир Луканин, пожилой умелый буровик и три молодых крепких буровых рабочих. Ребята работали хорошо. Однажды приезжаю к ним в конце лета, вся территория вокруг палатки – в пуху. Оказывается, у Стасика Роганова было ружьё, они исподтишка стреляли голубей, прилетавших из города на поля. Однажды к ним приехал председатель колхоза, хозяин тех земель, где они бурили, и говорит: «Мне сказали, что у вас есть охотничье ружьё». Ребята перепугались, но делать нечего, говорят: «Да, есть, но мы только понемножку стреляем голубей на еду». На что председатель отвечает: «Это замечательно! Ребята, я вас очень прошу, пожалуйста, стреляйте их как можно больше, они у меня всю гречиху истрепают!»

Вот это поворот!

Когда я приехал в воскресенье их навестить со своей молодой женой, вся территория вокруг палатки была покрыта голубиными перьями. Над костром на невысокой треноге стоял двадцатилитровый бачок, где в картошке тушились голуби. Оказывается, председатель привёз ребятам

патроны и мешок картошки. Между прочим, голуби были очень вкусные. Мы с Сашенькой до сих пор вспоминаем эту бригаду.

В конце июня прибыла ещё одна буровая бригада с буровой установкой УРБ-ЗАМ. Старший мастер – Николай Григорьевич Колесов, тридцатидвухлетний весёлый озорник и добрая душа. Наше знакомство было таким. Буровую установку на точку поставила доцент Ольга Николаевна Мальшева, а Колесов приехал на автобусе ко мне домой представиться. Мне он понравился – доброжелательный, улыбочивый, шутник.

Поехали с ним на автобусе знакомить меня с бригадой. От остановки до буровой около десяти километров, Николай с улыбочкой говорит: «Да что мы два часа тащиться будем пешком, побежали?»

Одеты мы по-летнему, легко, я хорошо бегаю, поэтому удивился, но согласился. Побежали. Оказывается, мой мастер в прекрасной спортивной форме, всё время меня подначивал: кто первый прибежит к буровой? На последних шагах я выиграл у него около метра и обессиленно встал. А он хохочет: «Ну что, укатал я тебя?» В армии Коля служил в десантных войсках, прекрасно физически подготовлен. У нас установились с ним добрые дружеские отношения на последующие пятьдесят лет.

Его бригаду сначала поселил в арендованной квартире в Казани, но бригада была разношёрстная, собранная недавно, многие выпивали. Однажды в центре Казани устроили грандиозную драку. Были среди них и бывшие зэка. Я перевёз их на проживание в Лаишевский лес, арендовав дом лесника. Ездил к ним часто. Однажды Николай встречает в тревоге: «Лёша, они сейчас порежут друг друга!» Забегаю, вижу – у одного в руках крышка от бачка, у другого – нож. Идёт «фехтование». Броском табуретки я сбил с ног парня с ножом, ребята скрутили его. Как сейчас помню имя и отчество – Содофий (Содок) Куприяныч. А фамилию не запомнил. Это был недавно присланный из Дзержинска рабочий. Оказывается, принял наркотики, одурел, и что-то ему показалось. Дождлся, когда связанный протрезвеет, увёз его на вокзал, посадил в поезд и только тогда облегчённо вздохнул. Понятно, что он был уволен.

Второй случай с этой бригадой. Приехали ко мне домой бригадой – получать зарплату. Выдал я им её, и они уехали. А у моей жёнушки пропали наручные часики. Тогда говорю Гене Опарину, которого перевёл работать в эту бригаду: «Гена, часики пропали!» Он мне ответил: «Это исключено категорически. Ищи их в квартире».

Назавтра Гена заглянул ко мне домой и спрашивает: нашёл часы? Я говорю: нет!

– Да что ты, ну-ка я поищу, – и вытаскивает часы из-под кровати.

Я всё понял – в бригаде была разборка, сор из избы выносить не захотели. Назавтра приходит ко мне Дима Швецов, бывший зэка, всё лицо в синяках и кровоподтёках – увольняться! Всё – ясно. Ну, а мой буровой отряд – теперь уже три бригады на одного меня – продолжал успешно работать. Крутился я, как белка в колесе. Жену свою видел рано утром и поздно вечером. Был весь день в делах, но не чувствовал усталости. Казалось, что это нормально. Как иначе относиться к порученному ответственному делу!

В соцсоревновании экспедиции неоднократно занимали призовые места, меня похваливали, когда приезжал с отчётом в Дзержинск. Но однажды случилась неприятность. Срочно вызвали в экспедицию. Начальник – Бочаров Николай Александрович, главный инженер Пустошилов Виктор Андреевич, заместитель начальника экспедиции – Альпидовский Валентин Дмитриевич и парторг Ермолович Василий Прокофьевич, который давал мне рекомендацию о переводе из кандидатов в члены КПСС. Говорят: «На вас пришла анонимка. Вы приняли на работу подставного человека, а его зарплату забираете себе».

Я понимал всю опасность ситуации. Молодой коммунист, начальник отряда, действительно, принял рабочего Хафизова и действительно, он

отдавал мне ползарплаты! Но то, что написано в анонимке, далеко не вся правда. Говорю Пустошилову:

– Ведь вам неоднократно звонил, когда у меня случались поломки оборудования, автомашины и так далее. Требовались срочно запчасти. Вы мне отвечали: выписывай в сельхозтехнике и ремонтируй сам на месте. Так вот, что это значит для нашего дела. Если мне всё-таки как-нибудь удастся выписать какую-то запчасть, я беру счёт и накладную, пересылаю её почтой вам (или еду поездом), получаю почтой уведомление, что запчасть оплачена, и затем получаю её. По опыту, на всё это уходит 7-10 дней. Да надо ещё и добиться, чтоб эта запчасть была отпущена. Я не мог себе позволить таких простоев. За те ползарплаты, которые мне отдавал Хафизов, он же срочно покупал где-то нужные запчасти, и простои бригад были минимальные. Вот моя записная книжка. В ней записаны все затраты на приобретение запчастей. Как видите, кроме денег Хафизова, трату на запчасти, наём тракторов и другие производственные нужды ещё почти половину своей зарплаты.

Руководители внимательно изучили мою записную книжку. Смотрю, взгляды уже не такие грозные. Говорят:

– Но вы же знаете, что грубо нарушаете закон.

Отвечаю:

– Знаю, но корысти моей в этом никакой нет.

В результате получил выговор по партийной линии (без занесения в учётную карточку!) – за нарушение финансовой дисциплины. А вот выговор по производству – нет! Я понял, что мои руководители не захотели официально обнародовать этот, в общем-то, опасный для меня факт. Хафизова пришлось уволить. Мне стали выдавать под отчёт некоторые суммы денег для непредвиденных расходов, и стало легче.

К слову, зарплата у меня была немаленькая – 140 рублей оклад, 40% – полевое довольствие, 20% – круглогодичные и 15% – надбавка за работу в Татарстане: всего выходило за 250 рублей. Иногда приходили премии. Но о премиях – особый разговор. Я видел проект и смету на выполнение этой съёмки, сдавал активировки в экспедицию, представлял уровень затрат моего отряда. Поэтому знал, что работаем мы без убытков, но приработки не получаем. Поэтому однажды по приезде в экспедицию взял в бухгалтерии справку о затратах отряда, а у старшего экономиста – акт обмера выполненных работ. Получилось, что нам уже несколько кварталов «зажимали» приработок! Пришлось проявить настойчивость и характер, и мы получили законное «своё».

Лето 1961 года закончилось, у меня появился трудовой стаж – 1 год. Подошла зима. В работе на зиму остались две бригады на самоходных установках. Они стояли далеко друг от друга, моя ГАЗ-51 не могла к ним пробиться через снега, я каждый день бегал на буровые на лыжах. Одет, естественно, легко. Прибегаю на буровую потный, легко одетый, обсуждаем ситуацию под ветром и морозом. Потом бегу на другую буровую. Всё повторяется. Наберу кучу проблем, бегу в Казань их решать. Так каждый день. Не представлял, что такое восьмичасовой рабочий день, выходные. 12-14 часов в сутки – мои рабочие часы.

Начал замечать, что по утрам стало трудно вставать с постели, болели ноги и руки. Их сильно ломило, суставы распухли. Наивно думал: наверное, слишком нагружаю их физически. Однажды утром сильнейшая боль не позволила встать с постели. Жутко распухли ноги и руки, Сашенька вызвала скорую помощь. Меня увезли на носилках в больницу с диагнозом – резкое обострение ревматизма. Думал – через недельку-другую всё пройдёт, выйду на работу. Оказалось, не прошло, эта болезнь мучает меня всю жизнь.

Тогда пролежал в Казани в больнице три месяца. Меня поили жидкой салициловой кислотой. Похудел на 14 килограммов (было 58, стало 44 кг), сильно болели желудок, печень. В общем, понял, наша медицина меня натуральным образом гробит, выписался со скандалом под распис-

ку, что врачи не несут ответственности, и, посоветовавшись с супругой, взял отпуск, уехал в Ужгород к папе и маме. Предварительно позвонил отцу, тот сказал – срочно приезжай! В Ужгороде я пробыл почти четыре месяца.

Папа, главный бухгалтер поликлиник Ужгорода, показал меня терапевту, профессору Немешу (венгр по национальности), тот провёл капитальное обследование и сказал: «Твоего сына залечили – не врачи, а коновалы. У него язва желудка и двенадцатиперстной кишки, язвенный энтероколит, посажена печень и т.д. Ещё немного – и он бы помер. Да, плюс ко всему, кроме суставного, ярко проявился и ревмокардит. Все лекарства – отменить. Строгое диетическое питание по часам. Утром перед уходом на работу давай ему выпить 15 граммов спирта. Будем лечить!»

Спирт у меня не пошёл, тогда профессор велел отцу перейти на ежедневные 30 граммов коньяка. Папа и мама организовали жесточайшую диету, лежал я и в больнице, и дома, пока Немеш не сказал: «Всё, пока достаточно, лечиться ему ещё долго, но уже можно выходить на работу».

*Продолжение следует*